

МЕЛЬНИКОВСКИЕ МЦТЕНИЯ

Департамент культуры администрации Новосибирской области
Новосибирский областной центр русского фольклора и этнографии
Новосибирский государственный педагогический университет
Институт филологии, массовой информации и психологии

МЕЛЬНИКОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

Материалы
первой региональной
научно-практической
конференции

Новосибирск,
19–21 февраля 2003 г.

Новосибирск
2004

Деревня Бакмасиха. Информатор Мелкова Акулина Михеевна, 1912 года рождения.

«Отец: Михай Моисеич.

Мать: Наталья Карповна.

Было шесть детей, осталась одна я. Семья была хорошего достатка. Отец охотник был — убивал лис, волков, за это давали сахар, муку. Однако и в работниках у Омелиных был, и у Востровых. Когда в колхоз вступали, отдали все: и коров, и лошадей.

В 1933 году высватал меня Бородин Федор, а я дружила с Рыжторовым Семеном (старшим), он меня через неделю после сватовства украл от Федора. Был у нас с ним ребенок, да умер. Потом уж дочь родилась.

Дояркой работала 9 лет, пояркой (поильницей — И.О.) — 22 года. За овечками ходила, старжила фермы. Коров доили руками по 18 штук, да три раза ходили. Училаь один месяц в ликпункте (пункт грамотности — И.О.). Тяжело было работать, не прощали ничего. У одной поярки пропало три теленка, так ее в тюрьму посадили (Наумченко Анна). Но меня бог миловал, даже на слет передовиков ездила в Барабинск. Премии получала: и телят, и поросят, и товар всякий давали».

Литература

1. *Добровольская В. Е.* Вопросник «Народные суеверия Судогодского района Владимирской области». // Полевые вопросники и исследовательские программы для собирания фольклора. — М., 1999 г. — С. 30.
2. *Лебедева А. А.* Массовые типы архивных источников для изучения материального быта русских крестьян Сибири (конец XVIII — начало XX в.) // Проблемы изучения материальной культуры русского населения Сибири. — М., 1974 г. — С. 223, 235.

ЭКСПЕДИЦИОННЫЕ И НАУЧНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Связь времен: экспедиции в село Бергуль в 70-е годы XX в. и в 2002 году

Е. И. Жимулева
(Новосибирск)

Среди разнообразных фольклорных традиций, попавших в зону творческих интересов выдающегося новосибирского фольклориста Михаила Никифоровича Мельникова, выделяется село Бергуль Северного района Новосибирской области, устойчивый интерес к которому сохраняется на протяжении многих лет собирательской, исследовательской и педагогической деятельности ученого. Об этом свидетельствуют его неоднократные фольклорно-этнографические экспедиции в Бергуль, проводившиеся, в основном, в 70-е годы прошлого века¹, а также ряд печатных трудов, содержащих описание бытования фольклора в этом очаге народной культуры². Кроме М.Н. Мельникова в этом богатом певческими традициями селе работали и другие известные фольклористы и этнографы — В.В. Асанов, Н.С. Индан, Л.В. Куцан, С.В. Смоленцева. В июле 2002 года в селе Бергуль побывала музыкально-этнографическая экспедиция Новосибирской консерватории, в которой принимали участие Н.В. Леонова (руководитель), Н.А. Урсегова, Е.И. Жимулева, Е.П. Финашкина. Целью настоящей работы является сравнение материалов и наблюдений, сделанных Мельниковым в 70-е годы XX века с записями, произведенными летом 2002 года, а также характеристика современного состояния знаменитой в прошлом певческой традиции «кержашского» села. При этом необходимо указать на отличие условий, в которых проводилась работа М.Н. Мельникова и выполнялись наши записи: многодневные, неоднократные поездки большими составами собирателей и единичная трехчасовая запись, носящая скорее характер разведки, чем обстоятельного описания бергульской песенной традиции, так как основная часть нашей работы была сосредоточена в районном центре Северное. Все же на основе полученной нами информации можно сделать некоторые выводы, касающиеся процессов изменения фольклорной ситуации в Бергуле в течение последних 30 лет.

Известно, что М. Н. Мельников работал со стабильной певческой группой пожилых женщин (руководитель Анна Максимовна Белова), родившихся, в основном, до 20-х годов и являвшихся носителями традиционного крестьянского фольклора. Члены экспедиции 2002 года имели возможность пообщаться лишь с двумя относительно молодыми во время мель-

никовских записей представителями прежнего ансамбля — Марией Тимофеевной Гайдуковой (1930 г. р.) и Ксенией Винальевной Беловой (1926 г.р.). Кроме полевых записей 70-х гг., эти исполнительницы участвовали в концертных выступлениях, организованных М. Н. Мельниковым в г. Новосибирске. Нашими информантами также были еще две жительницы с. Бергуль: Фека Никифоровна Степанова (1925 г. р.), в памяти которой лучше других сохранились воспоминания о богослужебной практике бергульских старообрядцев, и Анна Яковлевна Циркина (1932 г. р.), большую часть жизни проведшая в иной культурной среде и поэтому во многом утрачившая особенности местной певческой традиции.

В число наших интересов входило богослужебное пение староверов, поэтому беседа с народными исполнителями началась с распросов о том, пели ли «божественное» после закрытия старообрядческой церкви («молебельного дома»), произошедшего еще до войны. Оказалось, что практика ведения служб продолжалась на протяжении более чем полувека после этого события — богослужения совершались потомками священника Пимана Чалкова в домах сельчан среди пожилых людей. Хотя некоторые исполнительницы сохранили детские воспоминания о службах, на которых они присутствовали вместе с певшими там родителями, сами они не могут воспроизвести даже самые известные песнопения. Исключение составляет здесь лишь тропарь Пасхи «Христос воскрес», сильно трансформированный вариант которого спела нам К. В. Белова. Можно сказать, что живая традиция литургического пения в этом районе проживания старообрядцев (вернее, их потомков) утрачена, к сожалению, оставшись незафиксированной.

В ненамного лучшем состоянии находятся и духовные стихи, в некоторых случаях (например, при похоронах) занимавшие в старообрядческой среде положение, близкое церковным песнопениям. Попытка вспомнить «классический» стих о расставании души с телом «Уж вы голуби» так и не увенчалась успехом. А ведь в свое время этот край славился крепкой традицией пения «псалмов и духовных стихов»¹³ В своем очерке о бергульской народной культуре М. Н. Мельников уделил немало места описанию «за душу берушего» пения стихов, привел тексты некоторых из них и проанализировал причины столь сильного эмоционального воздействия и устойчивого бытования этого жанра в местной фольклорной традиции. Во время нашей же поездки в Бергуль услышать и записать духовные стихи не удалось. Правда, стараясь вспомнить интересующие нас произведения, М. Т. Гайдукова рассказала нам два балладных текста («Жила-была вдова небогатая», «Повел Осип коней поить»), названных ей также стихами. Очевидно, здесь произошло смешение двух жанров эпической природы.

В настоящее время при совершении похоронного обряда не поют стихов и молитв, похороны и поминальные дни озвучиваются традиционным жанром плача — голошения. И здесь нас поджидала удача — нам посчастливилось записать три похоронных причитания (два от А. Я. Циркиной,

одно от К. В. Беловой), при том что за все годы работы экспедиций М. Н. Мельникова было записано всего пять причитаний. Запись столь редко фиксируемого жанра объяснима тем, что древняя традиция похоронного причитания до сих пор жива и функционирует как нормальное явление в Бергуле и других окрестных селах. Кроме того, мы получили развернутую информацию о шитье традиционной похоронной одежде — саване, что впоследствии указало нам на исконную конфессиональную принадлежность бергульских староверов — это бесполовцы, дальние потомки выходцев с Русского Севера.

В отношении календарно-обрядовой сферы бергульцев, вслед за М. Н. Мельниковым отметим, что данная область песенного фольклора представлена весьма скудно. Характеризуя календарную обрядность, М. Н. Мельников рассматривает лишь одну волотечную песню «Идем, братцы, вдоль улицы», записанную им в двух вариантах (в 1972 и 1980 гг.). Нам удалось записать третий вариант этой песни, оказавшийся более кратким в сравнении с ее ранними образцами. Что касается свадебного репертуара, то здесь наши результаты также более чем скромные: были записаны две песни, вспомнить которые исполнителям удалось не сразу. Даже настойчивые просьбы со стороны собиравшей спеть песню «Из-за леду, леду темного» не достигли желаемого результата. Подобная картина обусловлена не только утратой песенной традиции, но также и тем обстоятельством, что свадебный фольклор вообще не являлся развитой сферой народного творчества бергульчан (в записях М. Н. Мельникова из Бергуля содержится всего пять свадебных песен).

Песенно-танцевальный пласт, придававший «своеобразие и неповторимость репертуару и песенному стилю бергульцев», представлен в наших записях несколько шире, чем свадебный — зафиксировано пять образцов, правда, часть из них записана во фрагментарном виде. При этом создатель впечатления, что данная область народного песнетворчества меньше подвержена разрушению и лучше сохранилась в памяти исполнителей, чем вышерассмотренные жанры. Возможно, при более обстоятельной работе эта сфера может быть пополнена большим количеством песенно-танцевальных образцов.

Лирические песни, составляющие «основу песенного репертуара старообрядцев», действительно, в продолжение нашей записи звучали в большом количестве. Вот только качество их было разным. Протяжные песни, традиционная крестьянская лирика в количественном отношении явно уступала место песням городского происхождения, жестоким романсам, песням XX века. Обозначенная ситуация свидетельствует о стилизованной переориентации с аутентичного фольклора на более позднюю традицию, о наличии деструктивных тенденций, ведущих к постепенному забвению произведений многовековой народной культуры. Описанная картина, а также разоб-шенность, несплетность ансамбля, признание исполнительниц, что «вместе

давно не поют», произвело на участников экспедиции удручающее впечатление.

Из всего вышеизложенного напрашивается вывод об угасании знаменитой в прошлом песенной культуры сибирского села. Действительно, о «богатой фольклорной традиции» Бергуля остались лишь воспоминания. Традиционный репертуар, предметы материальной культуры (например, старопечатные книги) лучше сохраняются в районном центре Северном, где под руководством уроженца с. Бергуль, сына одной из участниц бергульского ансамбля Сергея Григорьевича Осипова активно функционирует певческая группа, состоящая из представителей платоновской традиции, генетически близкой бергульчанам. Бергуль же почти «не поет». Однако, несмотря на столь печальную картину, народная культура данной местности требует дальнейшей и скорейшей собирательской работы, так как элементы традиционной культуры, хотя и в пассивной форме, еще сохраняются, живут в памяти исполнителей. Новые записи фольклорных произведений, а также, возможно, воспоминания о богослужебной практике помогут составить более полное представление о традиционной духовной культуре с. Бергуль в XX — нач. XXI вв.

Примечания

¹ Экспедиции проводились в 1970, 1972, 1973, 1978, 1980 гг.

² Мельников М. Н. Фольклорная практика. Экспедиции. Село Бергуль // Сибирский фольклор. Сб. науч. тр. Новосибирск, 1981. С. 152–155; *Его же*: Востогань: путь в никуда? Новосибирск, 1989. С. 90–117; *Его же*: Связь времен // Мельников М. Н., Смоленцева С. В., Лямкин В. В. Песни села Бергуль. Новосибирск, 1996. С. 1–13.

³ Мельников М. Н. Фольклорные взаимосвязи восточных славян Сибири. Фольклор старожильческого русского населения: Опыт типологии: Учебное пособие. Новосибирск, 1988. С. 48.

⁴ Мельников М. Н. По край света... С. 100–108.

⁵ Мельников М. Н. Фольклорная практика. Экспедиции. Село Бергуль... С. 153.

⁶ Мельников М. Н. Фольклорные взаимосвязи восточных славян Сибири... С. 48.

О музыкально-этнографической экспедиции к томским татарам¹

Н. М. Кондратьева, О. В. Новикова
(Новосибирск)

В июле 2002 года состоялась вторая музыкально-этнографическая экспедиция Новосибирской государственной консерватории (академии) им. М. И. Глинки в Томский район Томской области. В составе экспедиции работали доцент кафедры этномузыкознания Н. М. Кондратьева (руководитель), аспирант О. В. Новикова, студентки теоретико-композиторского факультета Н. С. Капицына, Ю. В. Маркарян, Л. К. Титова, а также студентка Новосибирского областного колледжа культуры и искусств А. Н. Гизату-

лина. Экспедиция проходила в селах Черная речка, Тахтамышево, Барабинка и Эушта. В этих населенных пунктах проживают этнические группы, входящие в состав крупного объединения томских татар.

В задачи экспедиции входила повторная запись образцов сибирско-татарского музыкального фольклора от уже известных исполнителей и выявление новых информантов в селах Черная речка и Эушта, а также первоначальное обследование фольклорной базы в селах Тахтамышево и Барабинка.

В ходе полевых исследований от 65 исполнителей 1905–1996 годов рождения было записано 378 фонограмм, репрезентирующих все жанровые традиции интонационной культуры сибирских татар. Большую часть собранной коллекции составляют образцы песенной традиции *ер*, подразделяющейся на долгие песни *озын ер* (52 ф.е.) и короткие песни *кыска ер* (202 ф.е.). *Кыска ер*, в свою очередь, представлены личными песнями *урам ер*, которые также могут называться деревенскими песнями *арул ер* (108 ф.е.); диалогическими песнями *кариш ер* (8 ф.е.) и свадебной песней *той ер* (1 ф.е.).

Кольбельные песни и указания *бишек ер* и *йокла балам* соответственно занимают в коллекции более скромное место — 17 ф.е. Записаны также единичные образцы нарративного жанра *бегт* (6 ф.е.) и наигрышей на гармонии *гармонь кие* (4 ф.е.).

Отдельный интерес представляет интонационное воплощение сур Кора (25 ф.е.) и мусульманских молитв (7 ф.е.).

Сигнальное интонирование демонстрируют звукоподражания (17 ф.е.), подзывания домашних животных (36 ф.е.) и сигналы управления конем (12 ф.е.).

Собранный материал, с одной стороны, полностью подтверждает ранее полученные данные о наличии у всех этнических групп сибирских татар общей системы жанров [1–5], а с другой стороны (свидетельствует о существовании музыкально-стилистических отличий локальных традиций, проявляющихся, в частности, в наборах типовых напевов.

Литература

1. Капицына Н. С. Жанровые традиции в музыкальном фольклоре обских чатов // Современные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук. (Новосибирск, 2000. — С. 15–16.
2. Капицына Н. С., Кондратьева Н. М. Песенная традиция *ер* в контексте интонационной культуры обских чатов: архивизмы и инновации // Новосибирская область в контексте российской истории. — Новосибирск, 2001. — С. 251–253.
3. Селезнева Н. Н. Основные жанры музыкального фольклора барабинских татар // Современные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук. — Новосибирск. — (в печати).
4. Капицына Н. С. Жанровый состав фольклора чернореченских и эуштинских татар // Современные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук. — Новосибирск. — (в печати).
5. Капицына Н. С., Кондратьева Н. М. Традиционные музыкальные жанры эуштинцев // Музыкальная культура как национальное и мировое явление. — Новосибирск, 2002. — С. 104–110.